
АБИДЖАН АЛИМЖАНОВ
ЭХО
ТИШИНЫ
стихотворения

Абиджан Алимжанов
Эхо тишины

https://litres.ru/74910098
SelfPub; 2026

Аннотация

«Эхо тишины» — второй сборник стихотворений Абиджана Алимжанова, дунганского поэта из киргизского села Таширово близ Ош а, сельского учителя математики, который пишет на русском, узбекском и кыргызском языках. В книгу вошли более трёхсот стихотворений 2019–2024 годов: философская и любовная лирика, притчи и восточные легенды, стихи о родных горах, о детстве, о людях труда и о вечных вопросах человека и мироздания. Свободный стих автора подчиняется внутреннему ритму души — в нём встречаются восточная образность и русская поэтическая традиция. Стихи Алимжанова публиковались в московских сборниках и в журнале «Звезда Востока», переводились на венгерский, литовский и сербский языки. Автор — номинант национальной литературной премии «Поэт года», награждён медалью «Анна Ахматова — 130 лет».

Содержание

Предисловие 6
Слово о поэте 8
Отзывы о творчестве поэта 16
Часть первая 24
- Чудные воспоминания 25
- Воспоминания профессора… 29
- Дочурке 31
- Слова в клетке 33
- Внук 36
- Замерзшие слова 38
- Мороженое 42
- Отчий дом 45
- Вот и пришли… 47
- Арону Гаалу 51
- Параллельные миры 53
- Поговори со мной… 57
- Дети войны 59
- Не забудь 61
- Слова благодарности 62
- Женщина, которая молится 64
- 60-й цикл стихов 67
- У переправы 69
- Цветы 71

Дом на краю 72
Дом в деревне 74
Зимние цветы 76
МИМИ… 78
Правая рука 81
Хлопок 84
Молодая вдова 86
H2O 88
Портрет на листе 90
Неизвестные солдаты 92
Письмо от бывшего узника 94
Свадьба легендарного мореплавателя Чжен Хе 96
Офицерские погоны 98
Сокурсник Сереги 99
Алгоритм 101
Дети деда 103
Полевой почте Юности 105
Дерево 106
Соленая роса 107
Лучше всех 108
Горы 109
Украденный сонет 111
Детство 113
Спираль Архимеда 115
Майору Шведову 117
Тоска 119

Ушедшим поэтам 120
Надежда по наследству 121
Плачущий конь 123
Маленький человечек 125
Гладиатор 126
Война 128
Боулинговый шар 130
С внуком на рассвете 132
Пифагор 134
Памяти Арона Гаала 136
Колокол 137
Ласточка 138
Черешня 140
Конец ознакомительного фрагмента. 142

Абиджан Алимжанов
Эхо тишины

Предисловие

Я, как обычный читатель и как главный редактор журнала «Дунгане», с интересом слежу за творчеством нашего соотечественника, дунганского поэта, пишущего на русском языке, Абиджана Алимжанова.

Наш журнал в двух последних номерах за 2019 г. и за 2021 г. (декабрь) достаточно подробно описал его поэтический портрет, и вниманию читателей был представлен ряд его произведений. Следует отметить, что А. Алимжанов стремительно ворвался, если можно так выразиться, в русскую поэзию. Ведь на русском он начал писать только в 2016 г., а до этого писал в основном на узбекском языке.

И уже в следующем, 2017 году его стихи начали печататься в солидных изданиях, и в течение трех лет подряд, в 2017, 2018 и 2019 годах, он становился номинантом национальной литературной премии Российской Федерации «Поэт года».

Все эти годы его стихи печатались неоднократно в различных сборниках и альманахах стран Прибалтики и России. В частности, в Москве его стихи печатались в сборниках «На крыльях Пегаса» (2020 г.), «Линии» (2021 г.), «Во-

енкоры. Эра стихий» (2022 г.). Напомним, в 2019 году вышел сборник стихов «Слезы, которые стекают вовнутрь» (г. Бишкек). За вклад в развитие русской литературы Союз писателей Российской Федерации в 2019 г. наградил А. Алимжанова медалью «Анна Ахматова — 130 лет».

Далеко не каждый поэт может попасть в альманах «Поэт года». В последние годы А. Алимжанов плодотворно работал. Напомним, его стихи были изданы на венгерском, литовском и сербском языках. К изданию подготовлены некоторые его стихи в переводе на английский и турецкий языки.

Ниже приведены некоторые рецензии и отклики на творчество А. Алимжанова.

Р. Юсупов, главный редактор журнала «Дунгане», заслуженный деятель Кыргызской Республики

Слово о поэте

Абиджан Алимжанов живет в небольшом селе Таширово недалеко от Оша, преподает математику в сельской школе. Он дунганин, но пишет и на кыргызском, узбекском, но большей частью — на русском языке.

Дунгане — трудолюбивый, скромный и талантливый народ. Их хозяйства часто являются примером ухоженности, порядка и уюта. Дунгане — выходцы из Китая, у них непростая, порой трагическая история. Дунгане, мне кажется, это подарок Бога Кыргызстану. Они вполне гармонично вписались в быт и культуру Кыргызстана. А село Таширово названо в память о легендарном председателе колхоза, дважды Герое Социалистического Труда Хайтахуне Таширове, дунганине по национальности. Получить звание Героя Социалистического Труда было ох как не просто! А заслужить это звание дважды — это вообще фантастика. Нужно было быть поистине незаурядным тружеником и талантливым организатором.

Читая биографию Героя Советского Союза, панфиловца Дуйшенкула Шопокова, погибшего под Москвой, а до войны работавшего в колхозе, я натолкнулся на такие строки:

«Однажды он собрал своих аильчан, и они отправились в соседнее дунганское село. Вначале люди не поняли смысла их поездки, но когда Дуйшенкул показал им ухоженные зем-

ли, где не было ни соринки, шалтинцам стало неловко. Каких только овощей они не увидели на приусадебных участках дунган, а сады — настоящий рай земной».

Зайдем и мы в поэтический сад, возделанный Абиджаном Алимжановым…

Абиджан Алимжанов — самобытный и талантливый поэт с особым строем поэтической речи. Он пишет с особой искренностью и волнением, которое невольно передается нам, читающим его стихотворения.

Стих его порой сбивается от волнения, но попробуйте «причесать» строки поэта — все очарование стиха исчезнет. Оказывается, его стихотворение подчиняется своему внутреннему ритму, оно выверено ритмом душевных переживаний. Можно сказать, что это поэтический импрессионизм. Неожиданно появляющиеся и исчезающие парадоксальные образы. И не случайно написано стихотворение «Ван Гог» — в манере Алимжанова мы чувствуем глубинную связь стихов поэта и великого художника.

Абиджан Алимжанов живет в самой глубине Средней Азии, но в его творчестве чувствуется и европейская культура, сочетающаяся с изысканной восточной образностью. Это вполне закономерно, так как Абиджан учился в одном из вузов Ферганы. А Фергана была особым городом в Средней Азии. Для многих читателей, особенно из России, Фергана кажется неким древним восточным городом. На самом деле этот город основан всего лишь в XIX веке генералом Скобе-

левым практически на пустом болотистом месте. У исторического центра Ферганы очаровательная европейская архитектура. Фергана была одним из культурных центров Средней Азии. В ней жили люди разных национальностей. Немало выходцев из Ферганы живут и успешно работают в России. Они получили хорошее образование, впитали культуру этих мест и сохраняют любовь к этому городу.

В поэзии Абиджана Алимжанова мы видим и любовь к родному краю, к красоте этого мира:

Ох, как мы любим красоту
этих гор, рек и вершин,
Не спеть грешно здесь о них.

«Долина Суусамыр»

И тончайшие лирические переживания, не уходящие из души поэта много лет. Давно был этот весенний дождь, давно была эта мимолетная встреча, но не забывается изумрудный взгляд девушки из молодости:

Стоит старик под ливневым дождём,
В надежде встретить
Изумрудный взгляд.

«Сороковой трамвай»

И чувства мужчины-воина, которому стыдно перед своим конем за свою трусость:

Отражается эхо
Булатных клинков
От величавых гор,
От твоего взгляда,
В моем сердце боль…

«Плачущий конь»

Иногда у Алимжанова возникают поистине уитменовские вселенские образы, проявляющиеся в малом:

«Знаешь,
Это дело
Всего
Двух капель воды».

«Рентгеновский луч» (о происхождении человека)

И воспоминания о достойных людях, живших рядом, порой незаметных, но, оказывается, таких необыкновенно значительных для нас, как это описано в стихотворении о старом учителе:

Такие люди были…
Из-за них весна на пороге,
Из-за них мы в этом мире живем.

«Пифагор»

И удивительные сны, необыкновенно образно переданные

во многих стихах:

Ищу в пространстве, наяву и во сне
девочку с косичками.
Приходи с зарёю!
А ты, милая, не соскучилась по весне?

«Девочка с косичками»

И:

Так не хочется выйти из сна

«Тоска»

Вы можете прочитать гражданскую лирику, в которой нет никакой искусственности, и эта лирика не оставит вас равнодушными. Прочитаете исторические повествования и откроете для себя много нового, как, например, в стихотворении «Письмо к прошлому — к Чжэн Хэ» о легендарном адмирале империи Мин, путешественнике, флотоводце и дипломате, дунганине по происхождению.

И, конечно, волнующая, красивая, захватывающая лирика: то неожиданное видение цветка или сада, то поистине трагические, гипертрофированные, как у Маяковского, переживания лирического героя.

От знойного ветра
рассыпается сказка, как песочный дом…
Но, как все сказки, она

со счастливым концом.

Ведь я же мечтал и надеялся.
Сидя у камина, согревался
обещанием твоим и,
как наивный ребёнок,
верил тебе, легкокрылой бабочке…
Было хорошо: весело и светло:
стены — хрустальные,
небо — сине-голубое,
и я в нем плавал,
как золотая рыбка в аквариуме,
наполненном счастьем.
Весна обещала не покидать нас,
А лилии в пруду пели о вечности.
Весенние сады стояли в цвету,
как белые факелы,
а величавые горы
поднимали бокал,
чтобы произнести тост.

«Скиталец»

Цветущий сад и
в нем цветок с черными очами,
равны,
если поставить на чашу весов,
сад — на одну, цветок — на другую,

как солнце и луна со звездою,
как все море и пот на ее лбу,
всех певчих птиц и ее голос в другую,
Все множества слов и ее слово «люблю».

«Н…»

Все кончено!..
Весна стала зимой!
Между нами проплыл ледокол.
Все начать с начала,
С белого листа.
Я стою на меридиане с координатой ноль.
Хватит!
Уронил последнюю каплю слезы,
От её тяжести захлебнулся океан.

«Меридианы»

Читаешь стихи Абиджана Алимжанова — и перед тобой постепенно раскрывается целый мир — образный, многоцветный, полный человеческих чувств, переживаний, размышлений… И эта поэзия обогатит нас многим, читатель!

И я рад представить вам этого необычного поэта, с которым меня свела судьба на просторах Интернета. И я знаю, что в небольшом селе Таширово близ Ош горит ясный поэтический огонь, свет от которого расходится далеко за пределы этого села, за пределы Кыргызстана.

В нашем мире немало таких поэтических звезд, иногда в

самых маленьких селах и деревнях. И так радостно обнаруживать их, ловить их свет!

В. Каблов, доктор технических наук, профессор

Отзывы о творчестве поэта

Прежде всего, я присоединяюсь к прекрасной статье профессора, доктора технических наук Виктора Каблова. Отмечу также, что я присоединяюсь к каждому слову автора и рецензентов его дружелюбной характеристики. И Абиджан действительно вполне достоин даже самых восторженных похвал.

Лично я ознакомился с творчеством Абиджана лишь на Стихи.ру, правда, менее подробно, чем мой глубокоуважаемый коллега (также по бывшей гражданской специальности), но и то, что я прочитал, привело меня в неописуемый восторг. Это потому, что попросту невозможно пройти мимо его трогательной многогранной лирики, насыщенной оригинальными и очень неожиданными литературными оборотами. Просто диву даёшься: откуда у поэта, для которого русский язык не является родным языком, такая красочная образность и кристальная чистота выраженных мыслей. Это, безусловно, яркий литературный самородок и подлинный словесный акробат, растущий из года в год, который далеко не сказал ещё своё последнее слово. И правильно сказала о нём одна из поэтесс Стихи.ру Фатима Шейхи: «Абиджан, у тебя дар поэта. Можно окончить два литературных института, можно в совершенстве владеть русским языком, но такой изюминки в стихе не будет, если её нет в душе поэта. А у те-

бя есть эта изюминка». И я целиком и полностью солидарен с этим высказыванием.

В заключение пожелаю нашему перспективному поэту всего наилучшего и «лет до ста расти Ему без старости».

Доктор химических наук Иосэф Урьевич Меерович (Израиль)

* * *

Когда я увидел имя Абиджана Алимжанова на сайте Стихи.ру, я был очень взволнован. Моя память возвращает меня на 50 лет назад. Я вспомнил свою молодость и мои студенческие годы. Я учился в Ферганском государственном педагогическом институте на факультете математики вместе с Абиджаном на одном курсе, в одной группе. После окончания учебы в 1972 году мы никогда больше не встречались с Абиджаном. Я жил тогда в Коканде, после мы переселились в Азербайджан, затем в Турцию, где проживаю до сих пор.

Да, Абиджан очень талантлив и очень скромен, он был нашим близким другом. Он хорошо учился, был хорошим спортсменом. Участвовал в первенстве Советского Союза по греко-римской классической борьбе, стал чемпионом спортивного общества «Буревестник» и получил звание «Мастер спорта СССР». Прошло полвека. Теперь Абиджан — гражданин Кыргызстана, а я — Турции. Я снова и снова с

большим волнением перечитывал написанные им стихи, и я очень горжусь своим другом. Живет он в обычной деревне, ушел на пенсию. Всю жизнь преподавал математику в своей родной школе. Тому, что мой друг пишет красивые стихи на трех языках, я не удивился. Знаменитый математик XIX века Карл Вейерштрасс подчеркивал, что каждый хороший математик — обязательно немного поэт. Мой друг Абиджан, по-моему, большой поэт, и его творчество является доказательством этой мудрой мысли.

О, разве ученик когда-нибудь покидает яхту,
Мы были как семья, все вместе.
Мы прошли ухабистые дороги,
избавься от проблем, брат.
Мой дорогой друг, плод тонкой души,
ценные артефакты из золота…

Большое почтение братскому Кыргызстану со стороны Турции и другу Абиджану.

Хусейн Айдын, Гюрсу, Бурса, Турция, 19.10.2022

* * *

Абиджан — философ. Его тема — человек и мироздание, желание видеть своими глазами гармонию божественного мира, восхищаться этим миром, наслаждаться, удивлять-

ся.

Совершенен ли мир, совершенен ли человек? Эти размышления не оставляют его, не дают покоя, потому что мир сказочен, чудесен, бесконечно восхищаешься гармонией, и нет ответа, как это удается осуществлять движение всего и вся в таких масштабах, что не укладывается в голове, — орбиты, орбиты… И если человек — песчинка, то как он преобразил землю своим трудом, волей, умом. На ней же ничего не было. А что ещё будет… Кто расскажет. Не дожить…

Альбина Ахмерова, г. Казань, Россия, 31.07.2022

* * *

Абиджан, я восхищен Вашим поэтическим талантом видеть в нашей обычной жизни то, что не каждый способен разглядеть! Ваши удивительные образы заставляют задуматься об окружающем нас разнообразии мира, о добре и зле, о вечной любви и вспышках ненависти.

Но самое главное, все Ваше творчество имеет какую-то особенную энергетику, мощную, высокочастотную фиолетовую окраску! Спасибо!

Николай Андреевич Лаврентьев, полковник в отставке, г. Москва

* * *

Абиджан, какая глубина, какая философия. Такой талант — чувствовать, увидеть и передать.

Нурлигайин Тургинбаева, Казахстан, Астана

* * *

Абиджан, очень возвышенно о поэзии и поэтах! Удивительной красоты строки! Необычные, волшебные какие-то! Понравилось!

Лилия Яшина, Москва

* * *

Мудрая голова и беспокойное сердце у этого старого учителя. Простыми словами он рассказывает о том, что рядом: о красоте и неповторимости родного края, о жизни и чаяниях деревни, людей труда, об истории своего маленького, но великого народа, — всё это не может не трогать читателя. Мне импонируют его настрой, мысли, форма стиха. Моя задача — чуть подправить шероховатости, не нарушая обще-

го строя, донести то, что хочет сказать поэт, и не портить, а засветить слово его, чтобы оно заиграло всеми гранями души. Абиджан Алимжанов — настоящий поэт своего времени, достойный представитель своего народа. Рассыпающиеся с неба звёзды он раздаёт людям, леса и реки, горы и травы, преломляясь в нём, поют о счастье жить.

Софья Измаилова, поэтесса, г. Ростов, Россия

Рецензия на «Параллельные миры»

Гениально. Высокогуманная поэзия об идентичности человека, о его характере, о мире, в котором человек сотворяет себя. Мы верим героям этого повествования, они созидатели, благодаря таким мир обретает свои очертания. Они не способны на предательство, которое разрушает личность, они чувствуют красоту природы, ее божественность. Пусть мир непредсказуем, неопределенен, но по какому бы из параллельных миров им ни пришлось пойти, они сотворят чудо, они создадут справедливый гуманный мир. Они мои герои, как боги, на которых держится вселенная.

Альбина Ахмерова, 25.12.2022

Рецензия на «Параллельные миры»

Какая удивительно зримая картина… Возвращение к корням, с которыми связь неразрывна. Ощущения… Вы наполнены ими и даёте возможность прикоснуться к истокам, к настоящему.

Благодарю за это путешествие в неизведанный мир, параллельный мир!

С уважением, Елена.

Елена Сорокина, 24.12.2022

Рецензия на «Молодость на день»

Абиджан дорогой, вы знаете, как мне это близко, протянуть только руку.

Ах, эта влюбчивость! Кто не страдал ею? Конечно, лучше писать жизнь набело, но жизнь непредсказуема, неопределенна. Я переживаю и за Мадину, и за Лилию и Саиду, и за вас. Думаю, что это автобиографично.

Очень тонко переданы нежнейшие человеческие чувства, которые знакомы каждому и просто как прошлые тени мелькают где-то там непонятно. Это было только вчера, вчера…

Альбина Ахмерова, 17.12.2022

Рецензия на «Молодость на день»

Абиджан, изумительное повествование. И почему-то отдельные моменты помнятся всю жизнь. Это, вероятно, переломные рубежи, или моменты, окрашенные очень сильными эмоциями. Но не всегда так, зачастую помнятся всякие мелочи, как у вас, старые галоши или бумага, намазанная керосином. Перечитала несколько раз. С уважением, Лилия.

Лилия Яшина, 16.12.2022

Рецензия на «Чужое сердце»

Какая интересная тема, и в таком неожиданном ракурсе подана! Спасая физически чью-то жизнь, чужое сердце, может быть, радуется доброму делу, а может быть, тоскует, нам этого не знать. А ведь еще от свиней сердце пересаживали… но не прижилось. Понравилось. Лиля.

Лилия Яшина, 01.12.2022

Часть первая
Родина и память

О родном крае, семье, войне и памяти

Чудные воспоминания

Киножурнал «Новости дня»
до индийского фильма
«Бродяга».
Пафосная музыка, с сиянием звезды Кремля,
в летнем сельском клубе.
Места заняты полностью —
счастливые сидящие,
менее везучие смотрят фильм стоя.
Уму непостижимо,
откуда столько людей маленького села,
как говорится тут,
яблоку некуда упасть.
Еще за стенами клуба,
на деревьях полно детворы,
на каждой ветке по нескольку сидят.
И тут у каждой удобной ветки свой хозяин.
Бывали и такие случаи,
когда перегруженная ветка срывалась
и малыши падали вниз как яблоки,
но весьма благополучно…
Вот идет киножурнал,
пленум…,
делегаты слушают речь генерального,
не моргая глазом.
Гремят аплодисменты,

аплодируют стоя
чабану из Киргизии,
доярке из Литвы,
шахтеру из Донбасса,
Российскому сталевару.
Неимоверная гордость,
слезы радости в глазах,
вдохновенно поют гимн:
«Союз нерушимый республик свободных…»
Конец журнала,
обычный формат…
Начальная мелодия
Индийского фильма…
Слушают завороженные зрители,
затаив дыхание,
окунулись все
в сказочный мир
бедноты, нищеты и зла.
В несоциалистический,
враждебный нам мир,
отображаемый в образе Раджа.
Бедный Радж,
в поисках счастливой жизни,
скитался в среде,
где нет счастья вовсе.
Совершилось чудо —
наступил на банан,
упал,
встретил любовь свою.

Полюбила и она,
несмотря на его порванный башмак.
И тут начинается песня,
ну и дает Мангешкар,
за душу берет!
Плачут взрослые в клубе
и мы — детки на ветках.
…Разбогател Радж,
стал плохим Раджом,
любовь отвернулась,
нет счастья и радости…
Опять песня,
не понимаешь слов,
но слезы льются беспрерывно.
Вот тебе на —
сила песни любви,
отвернулся Радж от богатства,
опять бедный Радж.
Да здравствует бедность,
да здравствует пролетариат,
теперь он наш Радж!
Обнимает любимую в тюрьме,
с надеждой уверенной поёт
и конец фильма…
Жует деревня, как жвачку, фильм:
индийские песни в драмкружках,
также в пионерских линейках.
И сейчас прекрасно помню,
если хотите, запросто спою…

Воспоминания
не хотят стареть,
и я тоже…

Воспоминания профессора…

Мой отец не носил никогда китель,
штаны галифе и яловые сапоги.
Мозолистыми руками кормил нас
небогатым столом,
скромным (даже очень)…
Учил смотреть вниз,
а не наверх,
успокаивал с убеждением,
что грязные деньги портят,
от них плесневеет сердце
до семи колен в роду.
Трудовые, заработанные потом —
это и есть самый вкусный хлеб.
Он был кузнецом —
одним из символов пролетариата,
махорку закручивал в бумагу газет,
неграмотным был,
ему было все равно —
«Правда» или «Огни Сибири».
Донёс кто-то,
чуть не посадили
за политическую слепоту.
Пронесло, потому что был
единственным кузнецом
на всю округу.

Вслед за этой бедой,
хотя было нелегко,
отец бросил курить, восклицая:
«Накурился правдой, все!»
После того недолго жил,
оставив семь голодных ртов.
Мама устроилась
уборщицей в школу,
меня ученика 8-класса,
не знаю кем,
но приняли в колхоз
отрабатывать трудодни.
После средней школы,
по направлению,
поступил на рабфак.
И братья и сестры
по завещанию отца,
пошли учиться дальше,
чтобы правду отличить от неправды…
…Собираемся в год раза два,
уже вот сколько нас —
внуки, правнуки и далее
полный двор!
Сижу и думаю,
вспоминаю слова отца,
поправляя чуть-чуть:
«Заработанный потом хлеб
кормит до семи колен…»

Дочурке

Свет сгущается
и так же тьма,
как черная ртуть.
Между ними время —
скользкая улитка,
в нем — я,
оберегаю в объятии
от молний,
града,
снега и дождя
певчую птичку мою,
черноглазую лань.
Доченька моя
улетела,
ускакала
за счастьем своим…
Потом только понял
какая она у меня
добрая,
милая,
прекрасная была…
Тоска колючая
её следы в доме
не дают забыть,
всплывает из глубины души

добрая улыбка ее
кофточки, башмачки,
фото у крыльца дома —
в каждой вещи она.
Зеркало поглотило улыбки её,
звон смеха,
ласковое слово «папа…»
Телефон,
гудок,
фото твое,
от счастья сияющие глаза,
доченька моя,
черноглазая лань
моя тоска,
моя любовь…
За ночь поседела близкая гора,
свет сгущается,
а также тьма;
время — скользкая улитка
ползет по ветке
красной розы

Слова в клетке

Маленький народ,
горный народ,
мудрый народ —
говорит:
«Дай мудрости в сердце,
а богатство — в руки»…
Горная река,
добрая река,
как время быстротечная,
брызги ее как осколки хрусталя,
разливается
по полям,
по садам —
в радости людям
чтобы стать яблоком
сочным,
персиком ароматным…
Горы —
добрые,
гордые,
мудрые,
в объятиях их столько богатств,
что хватит всех озолотить…
О, да, ты болен?
Чем?

Приезжай к нам,
подыши утренней зарёю
и добавь кумыса с мёдом майским,
пей натощак…
Ну, как?
Это маленький секрет
маленького народа…
Душевное поле,
посеянное добротой.
Добрая земля,
мудрая земля.
Тысячелетние деревья,
чудные деревья,
добрые деревья,
может из них посохи пророков
которыми сотворили чудеса…
Простая философия
и в быту,
и в одежде,
и в изречениях.
Так и наивно любят все;
небо,
речки
и муравьи.
Убивать их грех большой,
но ненавидят тех,
кто скажет:
«обезьяна твой прапрадед.»
Маленький народ

с огромным сердцем,
горный народ,
гордый народ,
добрый народ,
я сердце свое стелю,
как красную дорожку
под ноги твои,
поднимись
выше,
еще выше
на белоснежный подиум
как облака
и там как жар-птица
слова —
которые предназначены
только для тебя…

Внук

Чудо!
Ох какое чудо!…
С криком появился на свет,
почему твои рученьки в кулаках?
Волосы шелковые
колышутся от маленького ветерка,
если заговорили бы,
то многое бы рассказали.
Словно начерченные брови
и все остальное,
первое биенье сердца,
помнишь?
Да, и я не помню…
Тебе вот-вот скоро месяц,
только что увидел
солнце и луну.
Улыбаешься во сне,
играешься еще с крылатыми друзьями,
плачешь когда у тебя
проблемы мирские…
Вложено
где-то в нас,
как чип,
малюсенькое
зерно наших ДНК,

чтобы зачитывал Исрафил
и восстановил заново нас
в судный час…
В оках две капли райской росы,
в маленькой рученьке
держишь уздечку крепко —
необузданный конь,
которого нам не укротить,
мчится по пути начерченному судьбой.
Ты мой ангелочек,
расти и расти!
Потом поймешь,
узнаешь…
Эта жизнь…
…понимаешь…
как крикливый гусь.

Замерзшие слова

Приехал в совхоз
специалист молодой,
бойкий комсомолец,
энергичный инженер,
удалой красавец
с высшим образованием —
это я!
Главный отправляет
то в поле,
то в гараж,
и не по моей линии службы
полно женщин —
на молочную ферму аж…
Вот однажды поехал
сдатчиком в мясокомбинат.
Возили баранов на убой.
Приехали,
приемщика нет,
пришлось ждать…
Смотрю
во дворе водятся козы
с бубенчиками на шее.
Спрашиваю:
«… а что тут они?»
«Мои помощники…» говорит погонщик.

«… а как?»
«Да вот увидишь, погоди…»
Загнали во двор баранов двадцать,
они чуя запах крови
разбежались кто куда,
не реагируют ни на крик,
ни на свистящий кнут.
Тут погонщик привел коз,
и… послушно за ними,
будто загипнотизированная,
пошла вся отара
в коварный коридор…
Прошло немного времени,
вышли козы, целы и невредимы,
с другого конца…
…спокойно…
но стада баранов нет…
…По невидимым рельсам
катится шар земной,
катится в пространстве рисуя круг.
Как поезд по стыкам рельсов
раздается в сердце стук.
Как старый паровоз во весь голос,
от свиста пуль,
от взрывов — в груди боль,
рычит как львица
меж огней,
огонь с востока на запад,
смерч с севера на юг…

Вдох счастья,
выдох счастья,
никто не глотает чужую долю,
спросить разрешения у кого-то,
дышать или не дышать?
…Ах, горе какое,
горе какое,
брат на брата идет мечом,
когда нужно дружно землю пахать
для пшеницы.
А тут роют окопы потом,
пробивают свинцом друг друга груди…
…Земля —
мать родная,
милая моя!
Ты не усыпающие,
а пробуждающие песни спой,
в сердцах наших
предков дух пробуди!
…Такая жизнь пошла,
не знаешь кто друг, а кто враг,
где светлое будущее, а где овраг.
Сердечный стих мой,
только ты верен мне…
…Тот молодой специалист
смотрит на вершину величавых гор.
Там сказочно серебрится снег,
замороженная река,
где спят

еще несказанные слова.

Мороженое

Нашел покой — давно потерянный свет,
взгляд и улыбку,
заботу и милых голоса…
Рубец на правой щеке,
сестра,
в этом я не виноват,
не по моей вине разбилось
оконное стекло…
Говоришь забыла давно,
и улыбаешься виновато,
знаешь, тогда соврала отцу,
ты только прости…
Как два страуса прячем
головы
в песках песочных часов
так долго,
что не хватает длинной ночи…
Игривый зайчик — детство,
молодость — лебединое озеро любви
спрятанный в песках нашей тайны
свет радужный,
с воздухом послевоенных
акаций в цвету,
грезы — белый мотыльковый рой,
знаешь,

это все снится мне…
…Говорят, что петухи видят ангелов,
собаки — дух ушедших,
значит они живут
на границе двух миров…
…И я меж сном и явью,
парфюмер-весна,
проникая через щели окна
уводит меня в бескрайнюю
сиреневую даль,
ведь обещала же прийти,
двадцать лет сиротливая душа,
в ресницах дрожит тоска…
…Умоляю, умоляю,
подари мне светлый миг,
что ты мне не снишься, мама…
…Помнишь,
ездили в город,
нам мама купила мороженое,
подобье колеса,
меж двух пластинок хлеба.
Какая чудная сладость,
сказочное
детство на кончике языка…
Да, да!
И я ищу то ощущение
но не найду…
Как два страуса
прячем головы

в песках песочных часов…
…Шум детских голосов
возвращает нас назад…
У каждой детворы
свое мороженое: «попробуй, бабушка,
попробуй,
у меня «Буратино»,
у меня «Маша и медведь»,
а у меня «Белый лебедь»…
Пробует бабушка и говорит: «вкусно, вкусно,
но не то…»

Отчий дом

Здесь живет старость
с запахом корвалола.
Серые стены — дороги
устремляющиеся вверх.
…Не знать что счастливым был,
уже это несчастье.
Когда
полон дом
смехом, звоном детских голосов,
в цветущих акациях пчелиный рой…
В устах сладкая нежность
дедушка, бабушка, мама.
как
журчание родника,
как молитва
в ответ слова…
Теперь
кто на западе,
кто на востоке,
у кого жара, у кого ливень.
А у нас в окно поглядывает
поздняя
серая осень…
Забытая крепость любви
и забот,

ворон каркает в макушке дуба.
Старый дом, как старый добрый капитан,
дымит, как трубка,
его асбестовая труба…

Вот и пришли…

Враг знает
рукоятка топора из своего леса сосны,
он самый
вот,
убегают от его взгляда даже собаки
прижимая хвост,
бегал по району
скольких к стенке,
скольких к виселице тянул.
Ах, вот большой куш —
поймал командира,
давнего соперника со школьной скамьи.
Был «другом»,
утаил в сердце зло,
командир да командир
всегда он был первым.
Вот и пришел его черед
отомстить за все,
повесить при людях на дерево
во дворе профсоюза.
Вот идет босиком,
измученный но,
черт побери,
с тем же гордым взглядом орла.
Надел петлю и говорит:

— Ну что, командир, помри теперь,
сколько лет давил мне душу.
Управляю сегодня балом я,
добрый пока, разрешаю, последние слова скажи.
Ах, да если попросишь пощады на коленях,
могу даже освободить.
Жду твой ответ…
— Я умру, но буду жить вечно,
а ты, живой труп, проживешь, умирая ежечасно,
— и плюнул ему в морду.
— Ну и умри, — оттолкнул табурет
на котором он стоял,
но ноги повешенного коснулись земли.
Нашлись помощники подали лопату,
копали пока не повис как надо…
Вот и его сороковой шедевр,
ну давай фотографируй,
для истории.
Да, история не забудет
своих героев и подлецов…
…Когда отступает враг,
предателей не берет с собой,
пинком прогоняет,
цепляющихся за ноги, прочь.
В око печать подлости и страха,
ожидает свою участь теперь.
Скрип двери,
как пуля мысль,
с тремя восклицательными знаками:

«Пришли за мной!!!»
Для него теперь все враги,
нет друзей,
даже каждая рама окон,
летающая ласточка весной,
прятаться некуда
от самого себя…
Пугает луч, проникающий через щель двери —
тоже эхо тех слов
с тремя восклицательными знаками.
Умирает каждый день, каждый рассвет,
каждую ночь.
Хоть ты и спрятался в джунглях Амазонки,
даже анаконды презренный взгляд.
Протекает жизнь
в ожидании чего-то хорошего
с завтрашнего дня — надежда
в окно стучит дождь…
но не для него…
Возмездие,
судный день — не сон, поверь,
сегодня, завтра,… ветер…
Скрипит дверь,
предатель,
трус
умирает каждый день,
каждый час
тысячу и тысячу раз…
И однажды…

…Вот и пришли…

Арону Гаалу

Читаю твои стихи…
Твои стихи —
открывая душу свою,
доверяешь мне,
с умным взглядом
смотришь в душу мою…
«В лифте прямо к Богу»…
Я тогда не понимал
что за лифт
и кто такие те трое?
Помню,
Ты сказал:
«Они сопровождают нас
по тропам судьбы.
Четвертый —
лифтёр
с которым встретится
каждый из нас»
Читаю,
понимаю о чем идет речь.
Да, я в лифте
поднимаюсь со своего этажа…
к Богу…
А ты незаметно, тихо вышел из кабины
оставляя нас,

с завернутым в старый фантик
своим словом…
Я понял,
когда тебя уже нет,
и не смог обнять тебя за мудрость твою…
Мы — люди в лифте
из одного подъезда,
который называется — жизнь…

Параллельные миры

Не помогли известковые таблетки,
Уколы —
только на неделю.
Как у алкоголика от лекарств перегар,
держу режим и диету,
но не худею.
Уехал из царства высотных домов,
оставив все на восьмом этаже,
взял с собой
только голую душу,
уставшую от городских сует…
Войлочная юрта —
ровесница гор,
старая лампа из каменного века.
Древнейшим языком молится
на рассвете дядя со своим внуком —
будто за эту молитву держится весь мир.
…Мне приснился сон,
рукой прикоснулся до луны,
и вдруг
она стремится вверх,
нет, это
я падаю вниз…
…На завтрак из листьев,
мне незнакомых трав, чай

с молоком,
горячую казанную лепешку
макаю в масло и ем.
Потом дядя посадил кое-как в седло,
держусь в нем,
как пугало на огороде.
Едем с племянником за отарой…
…какой длинный день,
вот и прошел:
«Хватит, не пойду завтра,
болит спина, ноги и всё…»
«Что ты говоришь,
имей хоть маленько стыда!
Если не можешь в седле держаться,
ну, скажи,
какой ты джигит!?
Конь — крылья наши,
созданный Богом —
символ верности,
не щадя себя,
прорвется из вражеского стана,
из-под копыт молнии выжигая,
спасает тебя…
…до последнего вздоха,
несет… падает,
еще с виноватым взглядом в глазах.
…Говорят горы
в землю забитые клинья,
они наши корни

обхватывающие землю цепко
орлиным когтем.
Ну, как же без них нам быть?
Видишь мои сыновья
на скаку в седло садятся»
Тоже
когда-то у ног коня учился ходить,
по его глазам видел я мир.
Бетонные стены — шпатель скульптора,
из меня, как из пластилина
что-то налепили.
По словам жены:
«кота, который умеет холодильника двери открывать».
Внезапно наступает
рассвет,
звездное небо — начало реки
в ладони черпаю, со звёздами пью,
чувствую,
взрыв фейерверков в душе…
Ну, что поскакали,
мой резвый конь,
быстрее ветра по звездной тропе,
отпускаю жаворонком сердце своё.
Старая юрта начала пути…
…Высотные дома —
деревья без веток и листьев,
рукотворная красота.
Тоскуя по звездным тропам,
над семью параллельными мирами стою…

Поговори со мной…

Поговори со мной сынок,
видишь,
за окном осень.
Вот-вот вонзится
в горизонт журавлиный клин.
Огнем обливая
бескрайнюю синеву,
горит лес
в багряной тиши.
Тебе неинтересно что в моей душе?
То ли грусть,
то ли печаль,
скука ли,
безмерная тоска…
Знаю, знаю
ровесники твои
весна и лето,
осень и зима.
Долина тюльпанов —
закат,
весна на качелях,
в паутинах перламутровый цвет,
морозная ночь полна звезд —
для тебя сказочный дворец…
У меня сон

на кончике минутной стрелки часов,
но сны длиннее
самой этой ночи —
тут
проверяющий ревизор,
ожидающий свой приговор —
в одном лице…
…А ты спишь беззаботным сном,
будто что-то
сладкое во рту.
Как безобидный ягненок,
полез через окно
в свой дом
как вор, в пятом часу…
Глажу волосы твои
с запахом свежескошенного
майского луга,
лицо со знаком зрелости,
усы — первые побеги подснежника,
в душе
чувства, которые спрятаны в росу…
…Итог недели — сорок таблеток,
вот дед твой в портрете,
знаешь,
так тяжело разговаривать с немой тишиной.
Поговори со мной сынок,
волк тоже
гонится за убегающей хромой…

Дети войны

(Детям Донбасса посвящается.)

От жары уставшие поля
поливает ласковый
теплый дождь.
Глубоко,
глубоко дышишь,
не надышишься…
Запах… земли…
запах дождя,
запах смеха погибших
на войне
невинных детей
доходит даже
до самых ногтей…
…От пота ангелов бескрылых —
цветы рая зацвели?!…
…Кровью запачканная тетрадь,
там слово:
«мама, так люблю Тебя!» —
со счастливой улыбкой фото,
бессильно терпение,
боль… боль…
одна лишь боль стучит в висках.
…В рассвет улетают

голуби
белые-белые,
в стрелах солнечных лучей
улетают,
свинцовым пулям их не достать…
…Надеждой полон взгляд,
мечты,
надежды,
любовь,
сердца чистые, как роса
знаем, нас не простят…
…От жары уставших полей
воздух дрожит,
дождик льет,
все сеет и сеет…
запах земли,
запах белых-белых
голубей
над пожарищем ветер несёт…

Не забудь

(Бабочка — главная примета летнего счастья.
Аня Шатилова, 10 лет, аутист)

Если тебя уводит дальняя дорога
на резвом коне
с ветерком в рассвет,
а в снах тополя, акации шуршат —
не забудь
у дороги оставшуюся мать.
На окне зацвел
белый зимний сад,
в камине пламя — бабочек рой,
греет душу летним воспоминанием —
не забудь
пыльную дорогу домой.
Бумажные цветы
в бумажном царстве —
пусть тебя не заманит ложная краса.
В синем платке,
осенний закат
прижимая к груди,
тайком плачущую у окна,
синеглазую красавицу —
не забудь.

Слова благодарности

(Ларисе Кеффель Наумовой и Виктору Фёдоровичу Каблову)

Простые слова
весенний ветер,
дождевые облака —
безвозмездно дарующие добро…
Как отблагодарить Вас
весенней душою,
осенней рукою,
человек?
Чем могу?..
Словом,
спрятанным в цветах,
в горах, раздающих эхо,
переливающееся через край кувшина молоко —
переводит на человеческий язык,
или на алфавит
на нашем лексиконе —
«Благодарю!»
Простое слово,
как горы мои,
чинары,
ручеёк, в котором купается луна…
Не обвиняйте в скупости меня,

Это все,
что у меня есть…

Женщина, которая молится

Хозяин души —
перед уходом погасил в окне свет —
хрупкий,
но не ломается,
канул, как камень, на дно,
поглотившей его серой тишины…
…Ох, тяжело,
как же тяжело,
как больно давит сердце,
выжимая последние
капли крови
мамин взгляд —
безответный вопрос,
холодным укором в бледных губах
застыли
несказанные мне слова,
прищемил крылья мотылёк…
…Не успел
твой блудный сын,
тысяча лет,
цена за упущенный миг,
жить —
проклиная себя…
…Мекка,
Кааба…

…Что привело эти миллионы людей,
к этой пустынной,
знойной земле.
Они крутятся вокруг одной точки,
рисуя галактику на земле…
…Миллион их,
я тоже среди них кружусь…
и вдруг — вижу отца
за руку с матушкой
в белом!
Не отрывая глаз, иду к ним
среди миллиона людей.
Дайте дорогу,
дайте дотронуться до них,
услышать те несказанные слова
из маминых уст!
Кружится галактика на земле,
среди миллиона людских волн,
под палящим солнцем,
никого не замечая,
сама с собой
молится
женщина-мать.
То ли с Суматры,
то ли из Африки,
как бриллиант,
сверкает слеза на щеке,
делая ее
самой красивой,

самой прекрасной, милой
женщиной на свете!
Не знаю язык,
не различаю речи,
но чувствую душой,
кажется все здесь говорят на одном языке,
что она говорит —
мамины слова,
которые
остыли в бледных губах…
…И из глубины сердца
пробивает горячий родник…

60-й цикл стихов

Бродячий, кукольный театр
уехал,
оставив зрителям
безымянные чувства,
как бездомные облака,
без следа:
то ли надежда,
то ли грусть,
то ли тоска.
С привкусом хлеба
во рту.
всплывают воспоминания,
в объятиях тиши,
в раздумьях,
в волшебных снах…
…Облако белое
серебристое,
отпустил нить
воздушного шара,
с волшебными рисунками
радуги-дуги…
…Эх, детство,
в малиновой одежде,
беззаботный маленький принц
изумрудной страны…

Бродячий театр уходит,
уходит сказка —
белое облако —
смех цветов персика,
сирени;
облик счастья —
красный конь,
первые шаги —
это мир.
Кукольный театр,
я — седой зритель,
так хочется войти в него,
но не умеет душа
голосом ласточки,
голосом горного ручейка
смеяться и говорить…

У переправы

Молится человек у переправы,
за туманом незнакомые берега.
Его последнее покаяние,
и последнее мучение.
Жалко
признавать, что был
обманутым,
жил — плюнув на горькую правду.
Небо — синие ворота —
не верил,
открываются со страшным гулом
до дна небес…
…На койке отца,
с комом во рту,
который держал сколько лет,
уставшие глаза смотрят
через окно
на дорогу
день и ночь…
Молится человек
у переправы,
или перемещается
от дома к дому,
от дома престарелых
к дому одиночества и тьмы

…осталась кому-то
чашка
с надписью:
«с днем рождения, сынок!»

Цветы

Синева…
Начало…
Дальше зажигает каждый свою свечу,
как сверчки
ищу что-то
бесконечно в стоге мглы,
меняя белого коня
на черного,
черного на белого,
то богатые,
то убогие
проходят дни…
На чердаке в сундуке деда
найденная старая,
очень старая книга —
зажигает в сердце что-то…
…и слышу голос муравья,
дыхание стрекозы
и плач цветов
на подоконнике —
мною прожитые дни…

Дом на краю

Приехали киношники
на трёх автобусах
с надписью по бокам «Луч»
Ох, не различишь
кто из них женщина, кто мужик.
Все в брюках,
кто-то в коротких шортах,
курят и пьют,
и все в темных очках.
Один наш из сельсовета —
их гид,
показывает улицы, дома
и, конечно, лес, и поля —
неповторимый пейзаж!
Выбрал бородатый
дом Федотыча,
вон там на самом краю.
А за домом уж и
сказочный лес начинается.
Вся деревня тут как тут,
брошено поле,
забыт сенокос.
Разделились гости на две группы:
одна стала
красавицами ненаглядными —

Настенькой,
Варварой,
Василисой,
другая —
бравыми богатырями
Иваном,
Ильей,
Алешей…
Ох, завели они песню душевную,
будто ожил забытый дух,
запел лес дремучий,
запела русская душа…
Как хорошо жить
в своей рубахе
в своей избе,
хоть на лето самим собою быть.
Прошло лето —
заплетенные в песню дни.
Уехали…
пусто и грустно,
одиноко смотрит вдаль
дом там на краю.
Осень…
по полям, по лесам
«плывут туманы белые…»

Дом в деревне

Не зови в город, сынок,
что там мало бездельников
как я.
Нет там в потолке
с крикливыми птенцами гнезда,
нет с рассветом
читающей молитву
ласточки моей.
Здесь нет бетонных стен,
не знают двери замка.
Стучит в окно миндаль,
забора нет,
кругом обрешетки,
а в калитке звонок.
В городе в одной двадцатиэтажке,
как в двух наших деревнях, человек.
Лоб в лоб соседи
не знают друг друга
хотя живут вот-вот целый век.
А у нас,
вот Наташкин внук
Тимофей,
как большой начальник,
знает всех
по имени и отчеству,

а про бурёнок — не говори.
Но вот одно хорошо в городе,
что как в
«Иронии судьбы».
У нас что плохого,
что некультурно…?
А, это…
Уходит зима
со своими хламами,
одеяло и простыня,
греясь на солнце,
рассказывают
младенцу весне
о наших зимних снах…

Зимние цветы

Родина — тебя
не предаст
тракторист, пашущий землю
с утра до поздней ночи,
не предадут
руки мозолистые крестьян,
пастух под дождем,
под снегом в морозные дни
кочующий за отарой,
под штормом промокший до нити рыбак,
солдат,
в окопах прижимающий от любимой
письмо к груди —
не предаст,
ведь он не генерал,
под тяжелыми сапогами войны
хрустят кости его…
А там подписывают пакт
не знающие запаха земли,
не знающие мозолей руки —
руки,
как бархатный шелк,
нежные… короля,
предает кончиком пера
чернильная душа…

…Комната шесть на пять,
зрительный зал,
сцена
за окном
война и мир.
Я не король
и не рыбак,
просто зритель,
как у Петровича,
зимние цветы.

МИМИ…

Дай, я согрею
дыханием своим
озябшие руки твои,
озябшую надежду
в глазах, которую
не смыли соленые дожди.
В грустном, сером, осеннем дне
веселого цвета листья летят.
Видишь, добрый день нам сулит
под свинцовой тучей горящий закат.
Слепой ювелир-судьба
перепутала в коронах жемчуг,
досталась ослу золотая подкова,
затуманила глаза твои,
не различила кто перед тобой —
принц или шут.
…Смотри,
вот картинка,
обыкновенная на первый взгляд,
на фоне райской синевы яркий,
райский плод — спелый гранат,
но в клюве птицы отрицающий штрих,
значит — не рай,
тополиный пух в месяц октябрь,
черви не заводятся в гранате, нет,

не вяжущиеся друг с другом детали,
может тут Одебона портрет…?
…Это жизнь, дорогая,
как пчела с ядом и медом,
или река не течет по руслу
как мы хотим.
Смотри, на что намекает
добрый художник,
свобода — крылья,
всем и каждому свой паёк:
синее небо, надежда и любовь,
Мы, видишь,
на ветке райского дерева сидим…
…Да, обидно,
твоя крепость
оказалась построена из сыпучего песка,
ветром унесен
грустный сон,
но его слова не ветер
в сердце вонзились
дрожащей стрелой.
Но верь, счастье однажды
постучит в твою дверь.
Тук-тук…
Забудешь все что прошло,
или не было никогда,
как в октябре
тополиный пух…
МИМИ — младшая сестра на дунганском языке.

Правая рука

Это жизнь —
большой магазин,
школьная парта — прилавок её.
За детство, за юность
за молодость свою
надо успеть что-то купить.
Страна без школы,
без знаний,
без учителей —
тоннель, идущий вниз,
в котором не виден свет.
«Так, пишем в тетради
число
20 декабря,
сорок девятый год…»
Пишет учитель левой рукой,
потому что правой нет.
Дежурный Карим принес дрова,
буржуйка гудит,
в классе тепло.
Мокрую портянку посушить бы,
видно не спасла старая непарная галоша.
Вспотело маленькое окно,
на печке шипит, парует чайник.
Ох, душу согревающий звук —

звонок!
Большая перемена!!!
У каждого своя кружка,
достаём,
разливается чай,
раздаёт кухарка каждому кусок хлеба,
на котором тонким слоем повидло…
Детские глаза радостно горят,
знали, чувствовали
так кормит нас больная мать,
или отец, как наш учитель,
с одной рукой.
Еще верили, что
придем к победе коммунизма…
Ну, и приехали,
раз, и — нет
где ум, честь и совесть,
а в «правде» всё была ложь?
Поменялись и лозунги вместо
«религия — опиум для народа»,
теперь «СПИД — чума века.»
…Сидит старик, гладит
дрожащей левой рукой ордена.
За окном поздняя осень,
дождь…
Наяву ли, во сне,
протянута правая рука
которой нет,
попрошайничает,

просит добрых слов…

Хлопок

Хлопок —
дерево пигмей,
в небо протянутая рука,
в коробочке белое облако.
Белое золото!
Поливал я его
беззаботной юностью своей.
С утра до зари,
с сентября до поздней осени,
до первого снега,
вытягивали последние граммы
шестимиллионного рубежа.
Знали —
перевяжет рану в Афгане
солдату,
новорожденного обнимет любовью,
из неба нашей молодости
оторванный кусок облака.
Знали —
поле и есть фронт,
а кто враг?
Не знали,
да надо ли было знать.
Знали —
как трудно

из граммов, особенно
последнюю тонну поднять.
Золото за золото,
дело первейшей важности,
в нашем маленьком хозяйстве
за хлопок
девять героев, один дважды.
…Поздняя осень…
Давят на плечи серые облака,
ветер стирает с неба грим.
А, что озябла, милая моя,
дай я укрою тебя,
видишь, старенький совсем,
но со знаком качества —
стопроцентный!
молодостью моей…

Молодая вдова

Молодая вдова
твоя честь, как белоснежная рубаха,
даже пылинка заметна на ней.
Погиб твой любимый за честь,
не за славу,
оставив тебя с честью вдвоем.
…Алчные взгляды,
под дождем грязных сплетен,
согнули твой молодой стан.
Это капля от наветов на мать Марию,
белоснежный твой платок
капля терпения ее.
Идущий за тобой, как тень,
отнявший любовь твою,
устроитель всех братоубийственных войн,
за каждую каплю крови,
за каждую каплю слезы твоей,
за все отвечает Каин,
у оврага ада,
как много их…
Твоя честь — белоснежный платок,
который за деньги
невозможно купить.
Одинокая лебедь —
мечта моей души,

сможешь ли еще раз полюбить?
Улыбнись, милая, улыбнись,
сможешь ли заново полюбить?
Ведь жить весной
осенним листопадом трудно,
трудно живым
надгробным памятником быть.
Улыбнись, милая, улыбнись.

H2O

Немой ветерок,
стряхивая летнюю пыль,
учит тополиные листья
говорить,
Ночь, окутывая прохладой,
расчесывает гривы
беременных кобылиц,
обильной росою поливает луга —
Сказка — дождь
в безоблачном дне,
бодрствующему сердцу слышны
шаги звезд в тишине…
…Сказка-дождь —
простое соединение H2O.
Утоляю жажду свою
в роднике —
слезах гор.
…Японский флаг —
кровавое пятно
на белом фоне,
незаживающая рана земли.
Последнего журавлика
бумажного складывают
слабые пальцы девчонки.
Над нею мать

выплакивает из самой глубины души
самую жгучую,
самую соленую слезу,
от тяжести которой, земля
еле удерживается на орбите своей,
самое горькое H2O.
…Немой ветерок
учит сакуры плакать,
плакать, как плачут
журавли…

Портрет на листе

Ну, и что,
сколько нас осталось
из второго выпуска
шестидесятых годов,
средней школы номер пять?
Не утруждайся,
хватит одной руки пальцев
чтобы сосчитать.
Сидим и у всех в глазах
один и тот же вопрос:
«а кто следующий теперь?»
Школьные годы —
жизни яркий след,
который ветер времени
не может стереть.
…Мой портрет рисует солнце
на осенней листве
дрожащей утренней росой,
остывшим прибоем времени.
Звезды плетут по ночам сказки,
которые укладывают спать,
их будит рассвет.
…Только избавилось от лепестков
яблоко кислое, кислое,
еще не красневшая клубника,

ягненок не может,
а детство может переварить.
…Под дождем я и она,
платье ее в объятии дождя.
Так хотелось стать дождем,
так хотелось,
недетским желанием горя.
Вот и ее нет.
…Сколько осталось нас
шестидесятых годов
средней школы номер пять.
Где те чувства, где те дни,
даже не вернут их волшебные сны…

Неизвестные солдаты

Астрономы говорят,
что видимый нами луч
пробегает
большое расстояние
с меркой в несколько миллионов световых лет,
только вот той звезды уже нет…
…Когда пришло от любимого письмо,
принес на хлопковое поле почтальон,
от счастья сияла,
танцевала, получила
затаилась у речки
открыла читала,
в глазах слезы от счастья,
в это время ОН…
…Шуршат камыши над могилой
неизвестного солдата —
пробит свинцом насквозь
в окровавленной гимнастерке,
на пуговицах рисунок пятиконечной звезды.
От легкого ветра
шуршат камыши,
мачты одинокого корабля,
с порванными парусами
шуршат камыши…
…Постеснялся бы, ветерок,

ты приходишь и уходишь бесследно,
не имеешь своего причала,
не буди спящую тоску…
Видишь, столько лет прошло,
не плакала, ждала,
письмо повторяя наизусть,
с надеждой выходила
с тем платком в каждый рассвет.
Известные солдаты проходят
парадом бессмертным полком,
их тысячи, их миллионы!
Россия,
скорби горько, горько,
неизвестные твои сыны,
сыны твоей земли!

Письмо от бывшего узника

Дорогая,
я предал себя,
я предал тебя
и родину свою,
не хватило силы
нажать на курок.
Променял честь,
гордость и веру
на никому не нужную собачью жизнь
за раз.
Сквозь дождь
и снег,
сквозь зной жары
пришел,
в твою дверь стучу.
Не отворяй,
не надо
не достоин я любви твоей.
Не бойся не помру,
потому что
пулю отдал последнюю
свою
в руку подлеца,
палача,
когда захочет,

где захочет
как собаку пристрелит…
А, что не видишь,
рабская покорность в глазах,
испуг и тревога в душе.
Улыбка не улыбка —
смех над самим собой,
или стон орла,
когда он поднимается в последний полет.
Что, не похоже…?
Как петух кричу,
машу крыльями,
но не умею летать.
Ну, да… язык в цепи… и сам не знаю
кто я
что я,
зачем…

Свадьба легендарного мореплавателя Чжен Хе

Море — синяя книга,
солнце читает ее.
Ветерок листает
Волны-страницы
самой старой книги
по истории
идет открытий урок.
…От посоха Моисея
ставшее синей стеной.
В каплях-миг
или сжатое время
или гробница фараона —
в устах покаяние,
которое не принято Богом.
Море —
в изумрудном цвете — любовь,
ласково принимает своего
отважного сына.
Будто якорь времени Он,
с корабля опускается в воду,
на миг кругом абсолютная тишина.
…Раздается смех ангелов-детей,
свадьба в царстве морей.

Готовят из жемчуга венок,
карета в упряжке тысячи
синих лебедей.
По всем морям и океанам
извещает на синем коне прибой:
«На прекрасной Гури женится!
Бывший евнух —
полон силой мужескою теперь
бравый юноша,
легендарный адмирал
возвращается домой!»

Офицерские погоны

С праздником Вас…
Офицерские погоны —
тяжелая ноша.
Давящий на плечи долг,
который исполняют защитники Отчизны.
Они не сыны своих мам,
они не сыны своих отцов,
они сыны Родины-матери.
Они в зубах держат свою клятву,
чтобы на рассвете пел соловей,
чтобы весной зацвела акация,
чтобы смех детей радовал сердца людей,
чтобы мамы пели колыбельную.
Погоны офицеров —
тяжелая ноша.
Офицеры
погибают, но не умирают
хоть на поле боя,
хоть в госпиталях,
хоть на домашней койке,
храня клятву в своем сердце
Они погибают,
звезды из погона небу подарив…

Сокурсник Сереги

Как хороша жизнь
в месяце январе!
Морозно,
в объятии белой красоты.
Полной грудью дышишь,
сердце — белый голубь
коснется купола небес
и раздается сиреневый звон,
и смотришь ты в мир с самой высоты.
Слова-краски чувств,
и то заикаются
срываясь
как я на китайском языке.
Солнце — новоиспеченный колобок —
катится по замершей реке.
Пора на лыжню…!
Чертить по снегу параллели
непересекающихся линий.
Но, пересеклись —
лыжник упал —
сокурсник Сереги
африканец Али.
«Как прекрасно, чудесно, брат!
Только я, вот видишь,
неуклюжий,

как белая ворона среди вас» —
радостно смеется
зубы белые, как снег,
и пошел свои параллели чертить…
…Ночь.
Во сне на печи
кувыркается луна
по лыжным следам,
по Африканской саване
бегает босиком
«белая ворона».

Алгоритм

Внук мой,
твои первые шаги,
вот и расстелились дороги
под твоими ногами.
Судьба теперь ведет тебя по своим тропам,
по лабиринтам
то вверх, то вниз,
то по кривой.
Алгоритм у нас прост —
из слов:
начало,
если,
будет
и конец,
как в сказке, с добром.
Дни в цветах,
листопад,
снег,
небо-ливень, перевернутый колодец.
Деревья тоже растут,
по жилам сочится солнечный свет.
У них алгоритм еще проще,
всего два слова:
начало и конец.
Все меняется день за днем,

все меняется год за годом.
меняются даже
звезды далекие,
но не меняются милосердие и любовь…
Внук мой,
твои первые шаги,
ты — мое милосердие
и моя любовь…

Дети деда

Дед воротился домой,
заехал во двор
на своей бричке.
А тут —
война на двух фронтах,
сын на одном,
жена его на другом.
Внуки, испуганные газели,
то туда, то сюда бегающее стадо.
Старуха деда
в центре немая стоит.
Даже при отце сын,
будто его и нет, жене кричит,
а жена нецензурными словами в ответ.
Взревел цензурно, как лев, дед,
и говорит:
«Надька, я тебя от твоего отца
с нагайкой принял,
помнишь,
а что забыла,
узнаешь, вот она».
«Ох, сын, храню еще тот
Сталинский ремень.
Не спину ли твою
почесать этим языком!?»

Не угроза деда слова,
понимают,
спрятались среди детей своих.
Глазами моргают от испуга как дети свои,
хоть старше на годы…
…Где те деды, где те ремни,
да, сейчас не та погода…

Полевой почте Юности

Белая берёза, сыграю тебе мелодию
дунганской душой на комузе!
На его крыльях приходит весна,
и на ледниках расцветают подснежники.
С утеса вниз катится капля-младенец — река.
Видишь, дорога солнца проходит над
линией фронта сороковых годов?
Курск, Смоленщина, Ош.
Вместе с тобой над заросшей могилой
Дуйшенкула Шопокова печально поёт ветер.
Настрою свой комуз, что с любовью называется лад,
на боль по Ванахуну Мансузу.
Фронтовые дороги
проходят через сердца живых.
9-го мая поезд не доехал до станции.
Слышен топот кирзовых сапог,
и ничем не стереть на старых фото
в остывшем взгляде тоску, печаль, любовь.
Струны комуза натянуты, как фронтовые дороги.
В свою песню на всех языках вложил потаенную боль,
И отправил по адресу тебе, Полевая почта Юности,
По позывному маяка.

Дерево

Бетонными сапогами
город
топчет беспомощную деревню.
Под асфальтом задыхается тропинка
которой прошла
Красная Шапочка,
водопой в полдень,
ожидающий запах луга,
теперь, как бомжиха
бездомная,
собирает пустые бутылки.
Да рвотой земли
из трубы сливная вода.
Только вот то дерево,
обхватывая землю,
стойко держится оно,
среди бетонных домов.
Всю ночь во сне живет
в деревне
до первых трамвайных звонков…

Соленая роса

Ночь —
тонкостенный сосуд,
разбивает солнце копьем.
С лиловыми голосами
осколки
рассыпаются звездным дождем.
По тропинке с рассветом
иду за своим сном.
Вот-вот со мною был,
спрятался
в без окон, без дверей дом.
Ищу теплоту в мозолистой
шершавой ладони отца.
Не надо, не надо, ветерок,
в глазах рождается самая соленая роса

Лучше всех

Название дней здесь другое,
сегодня — отит,
завтра — простатит,
послезавтра — ангина,
о семилетнем Алеше
доктор
не говорит.
Здесь на койках —
отит, простатит,
а тот ангина…
А о семилетнем Алеше
доктор
не говорит.
Вот сегодня его день:
«Ну, мужики,
через час вернусь,
ждите!»
Ждем…
Хотел участвовать
в твоём шоу, Максим!
Не вернулся…
Лжец из лжецов, но
он был
ЛУЧШЕ ВСЕХ!

Горы

Горы —
нежные, любимые мои…
Не зная, что они
дом и колыбель,
не зная, что они
начало и конец,
отрада и печаль,
уезжаю в незнакомую даль…
Дорога каменистая,
как мозолистые руки отца.
Отдаляюсь…
В моих взорах
растёт тоска.
…Горы бегут за мной,
как милая мама.
Туманы белые —
волосы ее…
Остановились у порога долины.
Другая дорога —
в макияже черно-смоляном,
которой не видно конца…
…Колеса стучат,
считая стыки узелков,
в сердце моем,
считаю и сам,

чтобы не сбиться
в обратном пути…
…Говорят, горы —
опора земли,
значит и моя опора.
Ведь я тоже земля в земле,
любовь в любви,
дороги — шрамы души —
длиннее раздумий моих,
которые измеряются аршином тоски.

Украденный сонет

Уходит весна.
Жалко…
Солнце печет…
Откуда знает оно,
что сегодня июнь?
Грамотные стали и птицы,
с рассвета по-другому поют.
Река стала тиха,
как обузданный конь.
Ивы спрятались под пышной чадрой.
Прислушиваюсь, ветерок и донес мне
«Твой сонет читает другой.»
В тайном блокноте спрятан секрет,
Кто посмел в него взглянуть?!
Украдкой подойду тише ветра,
Ох, паршивец,
это же мой младший внук!
Когда он вырос,
влюбился даже?
Рядом сидящая, сияет от любви.
Уходит весна, дождями, цветами
в сердце юноши любовь разбудив.
В детстве в зеркало
то что увидел, так вот оно — здесь,
Одна улыбка,

как ветер, все замела.
Ну, сынок,
ищешь себя —
не найдешь,
дальше жизнь —
с кривыми зеркалами
комната смеха.

Детство

Что нашел за столько лет?
Смешно —
пустые ладони…
Что ушло, уже не вернуть.
Детство мое —
сказочная страна,
тоскую по тебе,
жизнь сомкнулась в круг.
Лежу на поляне,
белое облако — Конек-Горбунок,
Горы — Горыныч — серый дракон.
Вновь становлюсь мальчишкой,
уводит далеко
цвета акации душистый звон.
Мальчишкой,
бегу по лугам,
за бабочкой бегу,
росой умываюсь.
Все как в детстве,
и вопросы те же —
кто покрасил редиску в красный цвет?
Все как в детстве, но
никто не зовет с крыльца дома:
«Идем, сынок, пора тебе на обед!»
и плачу громко, как маленькое дитя…

Спираль Архимеда

Спираль Архимеда,
как захват анаконды,
шаг за шагом,
сжимает крепко.
Болт, гайка — маленькие хитрости —
держат великолепие мостов,
машины, самолеты, поезда,
ракеты летают до луны.
Будто рассыплется мир без них,
как жизнь без любви,
как захват анаконды,
шаг за шагом
сжимают крепко…
…Окно — всевидящее НКВД.
Луна лезет прямо в душу.
Ветер доносчик шустрый,
стены — ветра уши.
Отец боится сына,
хотя полметра ростом.
Не признает сын ни отца, ни деда,
его кумир Павлик Морозов.
Ума не надо и чести,
это все у ЧК.
Работать, работать и все,
Голова, как желудок, пуста.

И пули летают по этому закону,
они ключи — гайку закрутить.
Вот одна, рисуя спираль,
ища Абдуллу, летит…
…Как захват анаконды,
шаг за шагом,
сжимает крепко…

Абдулла Кадири — узбекский писатель, расстрелян в 1938 г.

Майору Шведову

В саду цветов весенний фейерверк,
А на поляне — хоровод.
Давай присядем и споем
Мы тихо песню о войне
И все крикливые хиты
в ее мелодии растают.
Свистят уж пули, запах пороха
И гари — все, как мираж.
А гильза факелом рисует
в дыму прокопченный блиндаж.
Осознаем бесценный дар,
Но прожигаем жизнь, как свечи.
А мы поем… Нам подпевает
И греет дружеские плечи.
Цена любви — цена надежды,
сквозь пули ценность этой встречи!
А вероятность посчитать:
из тысячи — один в живых.
Где толк в теориях пустых?
У них же аксиома
родную избу защищать!
Их Родина — бескрайние леса,
страда на хлопковых полях
И печь в избе, что всех старей…
А ложь — в иллюзии идей!

И закурив в последний раз,
пойдут с рассветом в бой они
За эту Родину любимую, за нас!

Тоска

Старые приятели — колонна черешен,
поднимая белый факел,
навстречу бегут.
Небо, заполнили вновь прибывшие
ласточки,
Их ко мне навстречу ведут.
В речке моет ноги
Старый, сохатый карагач.
Как в былые времена
и сегодня скворца
не может выгнать крикливый грач.
Вот плачу, плачу,
Запах объятий матери и хлеба —
ветерок,
Еще что тебе нужно…
Мокрую подушку зубами держу,
Так не хочется выйти из сна.

Ушедшим поэтам

Утренний мороз,
Ох, какой мороз!
На проводах
Гирляндой серебряный иней.
Снежинки в ладони тают и тают,
Сколько не доживших до этих дней.
Игристые лучи щекочут бутоны,
В прудах лягушки, а в саду соловей,
сказочно красив весенний закат,
Сколько не доживших до этих дней.
Дождь.
Ветер.
Рассеялся туман.
На горизонте виден клин журавлей.
грустна журавлиная песня осени,
Сколько не доживших до этих дней.
Камин-поэзия,
Тишина… они.
Ветер гладит голову свечи.
Тишина шепчет что-то ей —
Капля скатилась как слеза вниз,
Сколько не доживших до этих дней.

Надежда по наследству

Пожелтевшая бумага,
Чернила сороковых годов.
Написано:
«Рядовой…
Пропал без вести»
В лабиринтах войны.
Завернута в платок,
Трехмесячной жены,
В сундуке
Великой вдовы.
Сокровища,
Которые хранились
Вот столько лет —
Надежда
С запахом мяты.
Приданое не ношено,
Не знала, что одевать —
В сердце радость или печаль.
В ветрах этой суровой жизни
Парусник
Ищет свой причал.
Пришла весть
Из Курска,
Неизвестный солдат
Стал известным.

Медаль «За отвагу»
Закрыла, оставшуюся нам
В наследство,
Надежды дверь.

Плачущий конь

«Зашпорил тебя больно,
С высокого берега прыгнул,
Будто летя
Ввысь.
Спаслись от погони врага.
Ради меня в огонь и в воду,
Конь мой верный,
Обнимаю тебя,
Дай умою гриву —
Спящую бурю,
Из островка сердца
Бьющей ключом
Слезой.
В твоих очах покорность.
Кто в них?
Вижу себя,
Не знаешь кто я,
Не знаешь?
Подлый трус —
Сбежал, оставив друга одного
На поле боя,
Зная, что он не сдается в плен.
Теперь я плачу,
Каюсь.
Нет…!

Не смотри на меня так!
Прошу, больно.
Отражается эхо
Булатных клинков
От величавых гор,
От твоего взгляда,
В моем сердце боль…
Не знаешь кто я,
Что я…»
Так от горя
Умер всадник…
Я видел, как плачет конь,
Не ест и не пьет,
Несвязанный
Лег под нож.
Тихим голосом заржал,
Взгляд пробил небо насквозь,
Верность,
Покорность,
Унося с собой…

Маленький человечек

Невинной улыбкой
Улыбаешься во сне.
На губах еще не остыла
Свежесть райских плодов.
Еще играешь во сне с друзьями,
С крылатыми жителями
Изумрудного городка,
Но
Теперь кровь настойчиво поет
О новой жизни…
Невинной улыбкой
Улыбаешься во сне,
Райская роса — твое сердце.
Губы — берега несказанных слов,
Тебе теперь привыкать
К жизни в памперсе.
Интересно мне
Как ты дышал,
Когда жил без него,
Как рыба, как черви?
Ну, будь здоров…
Ладно.

Гладиатор

Смотри,
Публика рукоплещет тебе.
Вчера я был, сегодня ты герой.
А я лежу, ожидая
Приговор пьяных пальцев,
Сердцем тоскуя
По Родине своей.
Народу только герои нужны,
А побежденных быстро забывают,
Топчут немытыми ногами.
Им даже противно
В лицо раз плюнуть.
Вместо поцелуя губ любимой женщины,
Спим в тяжёлых кандалах.
Наши сны — белый-белый голубь,
Недолгое пребывание в стране мечты.
Мы тут не люди,
Насмерть убиваем
Друг друга, чтобы жить.
Мы так любим жизнь,
О, как любим!
Брат,
Твои слезы мою душу жгут.
Брат мой,
Сделай мне одолжение,

Вонзи прямо в сердце кинжал.
Если доберешься домой,
Обними ноги матери и
Поцелуй ее за меня.
Вонзи!… А-а!…
Я освобождаюсь от плена…
И свободе сдаюсь в плен…

Война

Возвращение брата ждал,
Не уходил, пока он не придет.
Не из-за того, что очень любил брата,
А сапоги и пальто были на двоих.
Были великоваты,
Но зато было тепло.
Над ним смеялись,
Обзывая,
Пугалом в поле.
Учился хорошо,
Ударник в классе,
Школу любил,
Еще чай.
Хлеб — несколько граммов.
Война, как огонь, пожирала все кругом.
На большой перемене забывали о ней.
Дети старались подольше удержать
Хлеб во рту.
Хотели продлить минутное наслаждение,
За буханку хлеба — тюрьма или расстрел.
Военной жизни
Суровый закон!
Холод, голод и смерть кругом.
…Коля умер…
Так и надо ему —

Наркоман.
В подвале двадцатиэтажного дома,
Миллион таких подвалов,
Миллион таких Коль,
Подсчитывать не нашего ума дело.
Полиция осмотрела:
«Да, он живой,
Глазами моргает, врачей зови!»
Врачи говорят:
«Подождем, пока помрет
Следующая жертва тихой войны.»
Как хлеб на войне — честь, благородство!
Стали гуманными,
Человек ценнее всего,
Отменили расстрел.
Закон, как на войне, строг —
Посадили сторожа.
За то, что открытой оставил
Подвала дверь.
…тихая война
нет линии фронта —
Нет врага

Боулинговый шар

Небо синее, синее,
Шепоты зеленых трав лишь слышны,
Кругом тихо,
Дрожит на мяте роса —
Уменьшенная форма души.
Или она — пот ангелов небесных,
Протирающих облаком небосвод;
Или — слёзы,
что грустным напевом уронил,
Улетающий их хоровод;
Или — растет цветок из земли,
От сияния звезды цветущий цветок.
Рассвет катит свой боулинговый шар,
Который катится к западу, покидая восток,
Рассыпая сказку прозрачных цветов,
Субботу выбивает из календаря.
Скрылся за горизонтом шар,
В озеро слилась заря.
Прозрачные цветы
Опять зацвели рубиновым цветом.
Кругом уменьшенные купола из земли,
В углу, как та бедная суббота,
Лежит нововыбитая кегля…
Мама, мама,
Милая моя

С внуком на рассвете

Виноград —
Капля от солнца.
Красуется — значит созрел.
Гранат раскололся —
Полный кувшин
От зари рубиновые капли.
Лето, как курица ряба,
Высиживало,
Вылупила осень.
Водит желторотика сентября
По полям, по садам…
Короче становится день,
В бледных лепестках
Поздних цветов
Прохладное утро купается в росе.
Даже ветерок боится идти босиком.
Не бегай по лугам
Промок ты совсем…
«Это наша Родина» — говорю ему —
«Родина!».
Это слово в душе как сахар тает.
Белая береза —
Золотая,
Так мило шепчет.
«Слышишь, о Родине она

Лучше нас знает.»

Пифагор

Школьного музея экспонат —
Старая парта,
Выемки для ручек и чернильниц,
самодельными галошами протертая подножка,
Воспоминание детства — как мило!
Ох, старина ты еще крепка,
Еще служила бы много-много лет.
Оставаясь островком для двоих,
центром всех планет.
Разреши прикоснуться,
Даже сесть,
Прошлое на горизонте как мираж.
отчего же так руки дрожат, — плачет
На всю округу знаменитый врач.
Старые виньетки приклеенный стенд.
Вот он строгий учитель «Пифагор»…
…Однажды в шестую палату привели больного,
С острым кризисом на койке Он.
Взял за руки он еле дышал,
Открыл глаза, прошептал: «… Да видишь…
Лучше уйти когда скажут не уходи,
Пока не скажут, когда уходишь».
Тяжело было улыбаться,
Но улыбнулся,
И у доктора что-то в глазах горчит.

Ох, учитель мой,
Вам же тяжело,
И в этом состоянии хотите чему-то учить!
На виньетке он в старом, драповом пальто,
Такие люди были…
Из-за них весна на пороге,
Из-за них мы в этом мире живем.
Это было давно… давным-давно…

Памяти Арона Гаала

Скорбит даже небо весеннее,
Звуки баритона выбивает из туч капель.
Будто плывёт по морю людскому
Для большого человека большая колыбель.
Вот тихо погружается в землю она,
как корабль, в вихре
времени кружась,
На якорь встал.
Все в одной бесконечной вечности:
будет, был или здесь и сейчас.
Лужа отпускает солнечного зайчика…
Теперь оркестры покорно молчат.
Похоронили поэта…
Вдруг почувствовали люди,
Что
Он возвращается с ними назад.

Колокол

Стоял раньше на высоком холме
Как на ладони был.
В зимнем морозе,
С весенним ветерком
в росе купался по утрам
Мой перезвон.
Теперь
оказался в окружении высоких домов,
Как во мгле человеческая душа.
Смотри,
Они свой священный храм,
По стеклу царапая, крушат.
Вырвали язык…
Мне повезло…
Остальных увезли,
Гильзы штампуют.
Не модно стало земной простор
Божественной мелодией поить.
Теперь
Ветер как молоток
Мне по голове бьет.

Ласточка

Разбудила день песней своей,
С трехлетней внучкой один и тот же язык.
На потолке в моем саманном доме,
Чудеса из чудес твое саманное гнездо.
Чем заманили, прилетела опять,
Из дальних краев за три тысячи миль.
Может из Иерусалима или из Мекки,
Этих священных потолков затянута нить.
Мы с тобой знакомы
из ковчега Ноя,
Не было ни глины,
Не было суши.
Загнездилась в моих объятиях —
В сердце моем.
До сих пор ты лепишь
Форму моей души.
Два черных алмаза —
Глаза твои,
Звездное небо выучили наизусть.
Книгу читаешь туда и обратно,
В конце оставляя осеннюю грусть.
Крылья, как сабля,
Режут туманную даль,
Свистит расстояние под этим крылом.
Сколько страданий,

Ценой в жизнь —
Из-за тоски за этим саманным гнездом.
Ты моя птичка,
Ты моя тоска,
Мы скитаемся меж землей и небом.
Ты вылупилась в моем сердце,
Поэтому любишь как я,
Этот саманный дом.

Черешня

Срубили черешню
Весной…
Расцвела —
Отдавая последний сок,
Преподнесла человеку
С топором мед.
Белоснежный цветок —
Как глаза семнадцатилетнего бойца,
Не знавшие вкуса поцелуя губы,
В глазах застывший вопрос:
«За что, за что убили меня» —
Из мёртвого тела
Выделялось густое молоко,
Покойная мать
Кормила малыша,
Из мертвого — живое.
Как материнская грудь,
Нас кормит шар земной,
Эта земля — мой дом!
Как зерно, сердце.
Свою радость и любовь
Тревоги и надежды —
Сажаю в нем,
Как сажали до меня.
Срубили черешню весной…

Ах, дорогой Абид!
Падает снег…
Выпадет нынче много снега,
Белым застелет землю зима,
Спрячет наши грехи.
Голые ветви сплелись,
держат прочно друг друга.
Милый, Абид,
как коротка эта жизнь.
Падает снег…
Белая дума о вечном.
Колют сердце слова молодых
Не спорь… держись,
их познание еще впереди.
Падает снег
первозданно чист…
Мы с тобой
на ступени вселенной —
крохи,
Но слова и мысли наши,
как те голые ветви зимних деревьев,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.